

Теперь только ты способен принять под своё начало земли этой Великой Хань!

Больше не будет потомков? Для правителя не оставить наследников — величайший позор.

Лю Синь от невероятного потрясения задрожал всем телом. Подняв голову, он заметил, что всего за одну ночь Лю Ао постарел на много лет.

Волна непреодолимой отцовской любви нахлынула на Лю Синя, и он, сложив руки перед грудью, отчеканил:

— Сын повинуется воле Вашего Величества.

— Глупый мальчишка, вставай же, тебе пора сменить обращение и называть меня отцом.

Лю Ао подозвал стражников, велел унести тело евнуха-главповара и приказал похоронить его со всеми почестями. Когда все разошлись, император глухим голосом произнес:

— Рожденный в императорском дворе должен быть готов встретить смерть лицом к лицу. Если судьба подарит нам встречу, когда я отправлюсь на небеса, он снова сможет мне прислуживать.

— Прошу Ваше Величество скорбеть не столь тяжело.

Лю Синь и Дун Сянь стояли в стороне, опустив головы. Оба прекрасно понимали: последнее императорское постановление будет вымощено кровью тысяч людей.

Смерть главного евнуха была лишь прологом. Эта жизнь отдана за обещание Лю Синя, обещание взвалить на свои плечи бремя правления Поднебесной.

Вчера Наложница Бай Жун внезапно скончалась, и Лю Ао, охваченный тоской, по наитию велел императорскому лекарю осмотреть его. Полученный результат прозвучал для него как гром среди ясного неба. Неспособность иметь детей — величайшее пятно на репутации правителя. После падения Цинь император Гао-цзу объединил Центральные равнины, и вот теперь, спустя почти двести лет правления династии Лю, императорский род пришел к тому, что некому передать трон.

— Ныне обстановка при дворе еще относительно стабильна. Я заранее обо всем позабочусь для тебя: если в будущем чего-то не поймешь, можешь обратиться к Ван Ману.

— Слушаюсь, — кивнул Лю Синь. Лю Ао слепо доверял Ван Ману. Беда не приходит за один день. Теперь, когда власть над армией сосредоточена в руках Ван Мана, Лю Синь прекрасно понимал: даже сияние ореола наследного принца не гарантирует ему победы над этим

соперником.

— Хорошо, ступай. И запомни: держи это в тайне. У меня еще есть деловые вопросы к господину Дуну.

Вчерашний диагноз с корнем вырвал остатки императорского величия.

Да и до того, как он занемог, ни одна из забеременевших наложниц так и не смогла разрешиться здоровым наследником. Лю Ао внезапно почувствовал себя опустошенным душой и телом — ему так хотелось излить кому-нибудь душу. Чжао Фэйянь была его любимейшей женщиной, но его собственное здоровье угасало с каждым днем, и в конце концов он даже не сможет оставить ей ребенка.

Кто же станет заботиться об этой наивной женщине в будущем, за этими толстыми и холодными дворцовыми стенами? Лю Ао не мог прийти к Чжао Фэйянь, он был не в силах вымолвить ей ни слова.

Огромный императорский дворец — неужели отыскать здесь того, кому можно довериться, и впрямь столь невыполнимая задача? Терзаясь душевной болью и забыв обо всем на свете, Лю Ао притянул Дун Сянь к себе. В этот момент ему хотелось излить душу только этому юноше, похожему на небесного небожителя.

— Ваше Величество! — вздрогнув от неожиданности, Дун Сянь ловко высвободился из хватки Лю Ао. Его сердце забилось чаще вовсе не из-за императора — причиной тому был жаркий взгляд другого человека, стоявшего поодаль.

На сердце скребли кошки, но Лю Синь чувствовал лишь горькую иронию. Он же прекрасно знал, что Дун Сянь — императорский фаворит, так почему же его так терзает ревность? Он только что собственными руками принял бремя наследного принца — как он мог сметь нарушить волю государя? Наследник? Да ведь наследный принц ради сохранения власти не смеет высказать даже то, что на душе, не смеет подать и голоса, когда дорогого ему человека прижимают к груди чужие руки! Буря в душе Лю Синя бушевала с невероятной силой, но внешне он оставался совершенно невозмутим.

— Не смею больше утруждать Ваше Величество и господина Дуна, Лю Синь покидает вас, — тихо произнес он.

Хотя ногти до крови впились в ладони, пальцы Лю Синя по-прежнему были сжаты в кулаки.

Он повернулся и шагнул за порог покоев. В тот самый миг, когда он протянул руку, чтобы закрыть дверь, Дун Сянь заметил струйки крови, побежавшие по центру его ладони. Каждая капля алой крови несла в себе обиду, беспомощность и клятву Лю Синя. Дун Сянь неожиданно ощутил прилив радости, и в его сердце расцвел цветок надежды, никак не связанный с его изначальной миссией.

Дверь покоев захлопнулась с глухим стуком. Несколько бамбуковых листьев сорвались с неба и опустились на плечо юноше. Лю Синь проследил взглядом за тем, откуда они прилетели.

В конце галереи рос ряд стройных высоких бамбуковых деревьев — надо же, в этом роскошном Дворце Вэйян отыскался столь утонченный уголок живой природы. Наклонившись, он подобрал бамбуковый лист, поднес к губам и легко заиграл на нем мелодию Песни о красавице. Душа Ли Яньняня пела через его уста — неужели ты не понял меня?

Но реальность такова, какова она есть: ты и я стоим по разные стороны баррикад. Если у меня не будет власти и положения, что толку в том, что я понял твою Песню о красавице? Доиграв мелодию до конца, Лю Синь медленно удалился из Дворца Вэйян. Низкие звуки мелодии пронеслись над галереей и залетели в спальню императора.

На роскошном троне сидел правитель великой страны с пустым взглядом. Притянув стоявшего перед ним Дун Сяня, Лю Ао произнес:

— Подойди, присядь рядом. Скажи-ка, господин Дун, ведаешь ли ты, кого в этой жизни я люблю больше всего?

Дун Сянь был потрясен до глубины души сыгранной на бамбуковом листе Песней о красавице. Лишь когда к нему обратились, он наконец вернулся к реальности и непринужденно опустился рядом с Лю Ао:

— Ваше Величество прошли через столько трудностей, прежде чем ввести Императрицу Чжао во дворец. Вашей любимейшей женщиной, вне всяких сомнений, должна быть Императрица Чжао.

Чжао Фэйянь заполняла собой все сердце Лю Ао, и именно из-за своей безумной любви он не осмеливался предстать перед ней.

Лю Ао снова вздохнул:

— Я задержал тебя вовсе не ради чего-то иного — сыграй-ка мне на гуцине.

Дун Сянь ответил согласием, подошел к циню, и его пальцы задели струны — полилась музыка.

Он медленно прикрыл глаза. План Ван Мана потерпел крушение: небеса помогли оборнуть линию потомства Лю Ао, но в то же время подбросили еще более серьезный камень преткновения.

Теперь Лю Синь стал наследным принцем. Если не покончить с ним до того, как этот статус будет официально объявлен, все приготовления пойдут прахом. Ключ к успеху крылся в том, стоит ли ему раскрыть эту тайну.

Плавные звуки циня лились непрерывно и мелодично. Средний палец Дун Сяня подцепил струну, и она внезапно лопнула. Он искусно обошел фальшивую ноту, бесшовно вплета ее в общую ткань мелодии. Сидевший на возвышении Лю Ао дремал с закрытыми глазами и ничего не заметил.

Даже святые и мудрецы порой теряют голову, что уж говорить о Дун Сяне, который был всего лишь смертным. Музыка внезапно ускорилась и изменилась, наполнившись твердостью и решимостью — он молил лишь об одном, чтобы нашелся тот, кто поймет его.

В комнате служанок во Дворце Юйян витал легкий аромат тоски. Чжи Вэй сидела у окна, осторожно извлекая из потайного отделения туалетного столика свиток. На нем был изображен бамбук — такой же точеный и прекрасный, как и сам создатель рисунка.

Девичье сердце уже было взволновано, и Чжи Вэй не могла сдержать вздоха. Разве мог такой неотразимо прекрасный Дун Сянь обратить внимание на скромную служанку вроде нее? Но всякий раз, вспоминая его добрую улыбку, она невольно предавалась мечтам о том, что он не похож на погрязших в мирской суете людей.

Дверь отворилась. Чжи Вэй торопливо отложила свиток в сторону и спросила:

— Кто там?

Вернувшись во Дворец Юйян, Лю Синь умыл лицо. Ему не хотелось оставаться в одиночестве, и он побежал к Чжи Вэй.

— Что это? — заметив, как она в спешке прячет какую-то вещь, Лю Синь подошел ближе и развернул свиток, чтобы получше его рассмотреть.

Рисунок бамбука? В нижнем углу красовалась отчетливая подпись: Дун Сянь. Лю Синь весь задрожал, не отводя глаз от свитка, и спросил:

— Это он нарисовал для тебя?

Его тон был суров. Не понимая, в чем дело, Чжи Вэй ответила честно:

— Да.

В этот момент Лю Синь почувствовал себя полным глупцом. Оказывается, вовсе не он первым разглядел в Дун Сяне бамбуковую утонченность — тот уже давно запечатлел этот образ на бумаге и подарил другой. В груди вспыхнуло яростное пламя, и Лю Синь с силой швырнул свиток на стол.

Не понимая причин такого гнева, Чжи Вэй поспешно аккуратно свернула свиток и спросила:

— Что с Вашим Высочеством? Почему вы так разозлились, едва переступив порог?

Не отвечая ей, Лю Синь прямо спросил:

— Ты любишь Дун Сяня?

Легкий румянец на лице девушки говорил сам за себя. Лю Синь холодно усмехнулся:

— Вы друг другу совсем не подходите.

Чжи Вэй с детства сопровождала Лю Синя. Хотя она и числилась служанкой, они были близки как брат и сестра. И услышать от него такие слова сейчас было все равно что вылить на голову ушат ледяной воды — она онемела от шока и не смогла вымолвить ни слова.

Увидев слезы на ее глазах, Лю Синь смягчил тон:

— Я вовсе не говорил, что ты не подходишь ему. Это он тебя не стоит.

— Чушь! — топнув ногой, возразила Чжи Вэй. Стоило кому-то задеть Дун Сяня, как в ней тотчас просыпалась вся храбрость.

Это лишь сильнее распалило гнев Лю Синя. Оказывается, Дун Сянь и впрямь обладал невероятным искусством очарования: не приложив почти никаких усилий, он сумел настроить против него самую близкую подругу детства.

— Я несу чушь? — Лю Синь схватил Чжи Вэй за руку и громко выпалил: — Он прямо сейчас ублажает императора на драконьем ложе! Желать, чтобы тебя взял в жены какой-то фаворит — не значит ли это унижать саму себя?

Словно пораженная молнией, Чжи Вэй замерла на месте, услышав эти слова.

Столь чистый, словно горный ручей, Дун Сянь... он... фаворит? После мгновенной тишины она горько зарыдала.

Лю Синю тоже было невыносимо тяжело на душе, но он не мог позволить себе расплакаться. Прижав девушку к себе, он потребовал:

— Кем ты приходишься мне?

— Служанкой... — правда прозвучала непривычно резко. Сквозь пелену слез на глазах Чжи Вэй смутно виднелось незнакомое, чужое лицо Лю Синя, а его холодный голос донесся как из тумана: — Развяжи мне одежду, сегодня ты разделишь со мной ложе.

Лю Синя снедала глубокая тоска, ему хотелось хоть как-то выплеснуть накопившуюся злость. Раз уж Дун Сянь может принадлежать другим, неужели он сам не волен ублажать кого пожелает?

Еле держась на ногах, Чжи Вэй не понимала, в чем провинилась перед всегда добрым к ней Лю Сином, вызвав столь яростный гнев. Служанка навсегда останется служанкой: какими бы теплыми ни были отношения с господином, сути рабского положения это не изменит. Ее тонкие пальцы задрожали, но слезы опередили движения, намочив воротник одежды Лю Синя. От непрекращающихся рыданий пальцы никак не могли справиться с узелком на поясе.

— Для кого эти слезы? — Лю Синь грубо схватил ее за заплаканное лицо. — Дошло до того, что ты все еще думаешь о Дун Сяне? Неужели делить со мной постель для тебя в тягость?

Резко оттолкнув Чжи Вэй, Лю Синь не мог выносить рядом женщину, чье сердце занято другим. Девушка упала на пол. Уходящий из комнаты Лю Синь казался ей до боли чужим. Она не знала, что чье-то сердце болело куда сильнее ее собственного.

Ночной ветер принес с собой прохладу — от бывшего умиротворения у Лебединого Озера не осталось и следа. В императорском городе царило лишь давящее одиночество.

Лю Синь не пошел ужинать в общую столовую, и еду ему принесла вовсе не Чжи Вэй, а другая служанка.

Привычка с детства рассчитывать только на себя сформировала в Лю Сине замкнутый и сдержанный характер. На доске для го камни делятся лишь на черные и белые. Но в схватке с Ван Маном появился один камень неопределенного цвета — и этим камнем был Дун Сянь. Пожалуй, он уже давно никому не принадлежал всецело. Он словно возвышался над всей доской, свысока наблюдая за ходом партии.

Лю Синь подошел к окну, устремив взгляд на закатное солнце. Наверное, лебеди над Лебединым Озером как раз собираются взмыть ввысь. Опыняющая улыбка всколыхнула гладь его души, окрасив в алые тона все облака на небе.

Тихо пропел Лю Синь:

— Не ведать тебе, как губительны для городов и царств бывают они, но красавицу вновь не сыскать...

Позади неожиданно пронесся порыв ветра. Обернувшись, Лю Синь увидел ту самую

безупречно чистую белую одежду. Ослепительно прекрасный, но такой недостижимо далекий.

Весь сегодняшний день Дун Сянь провел в покоях Лю Ао, играя для него на гучине и ведя беседы. Вернувшись во Дворец Юйян, он столкнулся с заплаканной Чжи Вэй, но сколько ни расспрашивал, та так и не открыла ему причину слез.

Какое-то внутреннее чутье подсказывало Дун Сяню, что слезы Чжи Вэй так или иначе связаны с ним. Дойдя до покоев Лю Синя, он вновь услышал эту печальную песню.

— Я сегодня лишь беседовал с императором и играл на цине... — хотя в этих оправданиях не было нужды, высказать их стоило.

В полумраке слабое сияние вокруг Дун Сяня стало еще отчетливее.

— Я верю, — бесстрастно ответил Лю Синь и тут же добавил: — Но я также верю, что в прошлом с остальными ты занимался не только беседой и игрой на цине.

Эти слова были усыпаны зазубренными шипами — они ранили не только Дун Сяня, но и самого Лю Синя. Что вообще представляет собой любовь? Можно дарить страсть, но оказаться не в силах хранить верность. Воды в реке тысячи литров, но Лю Синь не жаждет испытать из другого источника. Ему не суждено стать императором У-ди, а значит, и Дун Сяню не позволено вечно играть роль Ли Яньняня. В одно мгновение рухнули все остатки рассудка.

Шагнув вперед, Лю Синь резко заключил Дун Сяня в объятия, крепко прижав к себе его торс, и принялся исступленно целовать его бледные щеки. Поцелуй был настолько горячим, что казалось, он обжигает кожу, словно желая смыть с этого белого тела любые следы и оставить лишь собственное, неповторимое клеймо.

— С этого дня ты больше не марионетка на ниточках! Я хочу, чтобы у тебя появилось собственное сердце и собственные мысли!

Дыхание Лю Синя пахло свежестью зеленого бамбука — этот аромат перешел к нему с губ Дун Сяня. Больше не марионетка? Разве можно заявить такое просто по своему желанию?

Дун Сянь не сопротивлялся. Тихий стон сорвался с его тонких губ, и он прошептал:

— Ваше Высочество, я ведь твой учитель, но в то же время — твой враг.

Эти слова изначально были полны противоречий. И в столкновении этих противоречий рождалась искра безудержной страсти и пламени. Не говоря больше ни слова, Лю Синь единым движением опустил Дун Сяня на ложе.

Мне не нужна твоя фальшивая кокетливая притворность — мне требуется лишь искра искренних чувств из самых глубин твоей души. Множество горячих поцелуев осыпало лицо юноши, а ловкие длинные пальцы быстро распустили узелок на груди Лю Синя, скользя по тугой, мускулистой груди под ней. Пояс с кистями и мягкий хлыст Дун Сяня полетели в разные стороны. Сбросив с себя все яркие доспехи показного величия, он обнажал белоснежную кожу дюйм за дюймом, и точно так же дюйм за дюймом открывалось его истинное сердце...

Дун Сянь, Дун Сянь, ведаешь ли ты, что с самой первой встречи я счел тебя особенным? Знаешь ли, что осколок разбитого нефритового талисмана, который я храню, — это знак моего раскаяния перед тобой? Знаешь ли ты, что больше всего на свете я ненавижу Ван Мана за то, что он вплеп тебя в мою судьбу?

Вся пылкость юности растворилась в распускающемся цветке. И духом, и плотью — именно Дун Сянь заставил Лю Синя полностью переродиться в настоящего мужчину.

У Лю Синя накопилось бесчисленное множество вопросов к Дун Сяню, однако он еще не осознавал, что Дун Сянь больше не подходит для своей прежней роли, поскольку в его сердце поселились чувства. Стоит ледяной горе растаять, как наступит новая катастрофа, из которой уже не будет возврата.

Его тело словно покрылось румянцем — кожа алела сквозь белизну. Стройные ноги обвилились вокруг крепкой талии Лю Синя.

— Учитель, больше не обманывай меня. Я лишь хочу, чтобы ты перестал прятаться за множеством защитных слоев...

Очередной мощный толчок заставил Дун Сяня издать исступленный крик.

Перестать прятаться — как легко сказать!

Дун Сянь извивался бедрами, и внутренние стенки его тела в такт ритму то сжимались, то расслаблялись, приглашая к еще более глубокому проникновению. Его подрагивающие, загнутые пальцы глубоко впились в спину Лю Синя.

Ты говоришь, что я похож на зеленый бамбук... увы, чистота Дун Сяня давно осталась в прошлом.

На его белой коже всё еще виднелись следы от вчерашних ударов плетью, складываясь в идеальные изгибы, словно выписанные тушью. Губы Лю Синя тщательно целовали каждый такой изгиб, заставляя человека под ним вновь и вновь издавать стоны упоения.

— Эта рана все еще болит?

Касание кончика языка приносило такое блаженство, от которого хотелось потерять рассудок — даже целебные свойства драконьих зубов не шли ни в какое сравнение.

Ведь эти следы оставил сам Лю Синь, а теперь он же спрашивал, больно ли ему. Прижав влажные пряди волос к щеке, Дун Сянь слабо улыбнулся:

— Если бы я знал, каково это — получить удар плетью, я бы и сам давно от нее избавился.

Лю Синь тихо рассмеялся в ответ. Он прекрасно знал, что не бил в полную силу: если речь заходила о Дун Сяне, он просто не мог причинить ему подлинную боль.

— Вيني во всем свой слишком уж свирепый хлыст, я ведь почти не прикладывал силы.

Кто бы мог подумать, что пикировки влюбленных могут быть столь приятными и сладкими.

В прекрасных глазах отражение Лю Синя становилось все крупнее, пока его губы вновь не были захвачены в сладкий плен. Руки Дун Сяня обвились вокруг шеи Лю Синя, отвечая на равных в этом страстном сплетении. Дыхание Лю Синя, смешавшись с его собственным, заполнило всю полость рта.

Какой же ты прилежный ученик! Превзошел учителя быстрее, чем можно было ожидать. Его всегда невозмутимое сердце впервые затрепетало от чувства первой любви, и бледные щеки неожиданно покраснели.

Полуприподнявшись на локте, Лю Синь прижал Дун Сяня к груди, не прекращая поцелуя.

— Мм... я почти не могу дышать.

— Тогда не дыши вовсе...

Произнесенные прямо в губы слова звучали донельзя соблазнительно. Властный язык вновь исследовал мягкие недра рта, и казалось, что слова Лю Синя рождаются прямо на языке Дун Сяня.

В дверь покоев снаружи внезапно постучали.

— Ваше Высочество Синь, вдовствующая императрица прислала приглашение.

Темные глаза Лю Синя слегка сузились, но руки по-прежнему не отпускали лицо Дун Сяня, не в силах прервать сладкий миг.

— М-м... — дыхание Дун Сяня участилось. С трудом отстранившись от побелевших от поцелуев губ, он с дрожью в голосе напомнил: — Кто-то стучит в дверь.

Получив наконец возможность вздохнуть полной грудью, Дун Сянь всем телом судорожно вздрогнул и крепче вцепился в шею Лю Синя. В его прекрасных глазах мелькнула вспышка смущенного гнева.

— Кто тебя этому научил?

Губы Дун Сяня сами собой подались вперед, но Лю Синь с лукавой улыбкой отклонился в сторону.

На его зардевшемся лице проступило легкое раздражение. Лю Синь мягко улыбнулся, закутал Дун Сяня в одеяло, напоследок крепко поцеловал и с озорной насмешкой бросил:

— Некоторым вещам вовсе не обязательно учиться — к ним приходишь сам.

В этом выражении лица проступило что-то мальчишеское и игривое. Сказав это, Лю Синь поднялся, накинул халат и направился к двери.

— По какому поводу посланники от вдовствующей императрицы?

Слуга, едва дверь отворилась изнутри, тут же почтительно опустил голову.

Стоило Лю Синю предстать перед ним, как от юноши повеяло неуловимым, но тяжелым давлением — трудно было поверить, что ему едва перевалило за десяток лет, а в нем уже чувствовалась стать истинного правителя.

Слуга почтительно преподнес два свитка приглашения:

— Вдовствующая императрица изволила прислать приглашение Вашему Высочеству и господину Дуну прибыть пятнадцатого числа следующего месяца на Реку Вэйхэ любоваться луной.

Развернув свиток, Лю Синь бегло изучил его:

— А в другие дворцы приглашения отправляли?

— Я уже тайком разузнал: кроме Дворца Юйян, больше никто ничего не получал, — простодушно ответил слуга, не понимая скрытых интриг. — Похоже, вдовствующая императрица благоволит Вашему Высочеству, раз пригласила лишь вас.

Изогнув брови, Лю Синь бросил вскользь:

— Раз уж вдовствующая императрица так благоволит своим родственникам, ей следовало бы пригласить и Наложницу Бай Жун, тем более что она носит под сердцем будущего наследника.

— Разве Ваше Высочество еще не слышали? Наложница Бай Жун скончалась. Сказывают, она напала на Императрицу Чжао, и князь Ван Ман, защищая императрицу, сгоряча лишил ее жизни.

— Что? Наложницу Бай Жун убил Ван Ман? — Лю Синь резко сжал ладонь в кулак.

Вот почему Лю Ао так поспешно возвел его в ранг наследника — оказывается, эту последнюю нить жизни оборвали на корню. Ван Ман жесток и безжалостен: он убил открыто, по закону, и никто не посмел его обвинить.

Дун Сянь, лежа на ложе, расслышал каждое слово. Ван Ман все-таки сделал это. То, что еще не родилось, было уничтожено во чреве, а следующим шагом должно стать устранение тех, кто еще жив.

Отослав слугу, Лю Синь вернулся к постели:

— Ну что, примем приглашение Ван Чжэнцзюнь?

Дун Сянь потянулся:

— Это ты сейчас у меня совета спрашиваешь?

Лю Синь усмехнулся:

— Что такое? Злишься, что я ускользнул от твоего поцелуя?

— Велика Поднебесная, чего только не встретишь. Ты первый, кто добровольно отпрянул от Дун Сяня...

Не успел он договорить, как его подбородок вдруг крепко зажали пальцы.

Взглянув на Дун Сяня тяжелым взглядом, Лю Синь чеканно произнес:

— Не смей сравнивать меня с теми людьми из твоего прошлого.

За властными нотками скрывалась нежность. Опустив ресницы, Дун Сянь тихо усмехнулся.

Вскинув голову, он встретился с палящим жаром чужих губ, и лишь спустя долгое время они с неохотой разомкнулись.

— А теперь учитель может ответить мне, стоит ли принимать приглашение?

Дун Сянь улыбнулся:

— Скажи мне, когда Сян Юй устроил пир у Заставы Хунмэнь, а Чжан Лян уже предупредил его о грозящей опасности, почему твой предок из династии Лю все равно пошел туда?

— Обстоятельства вынуждали, деваться было некуда.

— Ответ у тебя уже есть, зачем же переспрашивать меня? Пятнадцатого числа я пойду с тобой на встречу с Ван Чжэнцзюнь.

Тело налилось тяжестью, и Дун Сянь, прикрыв глаза, спокойно опустил на плечо Лю Синя, постепенно погружаясь в сон.

Встреча пятнадцатого числа — это первый удар в лоб, настоящее сражение без права на отступление. Но неужели Ван Чжэнцзюнь — их самый страшный враг? Истинный противник все еще скрывался в густой пелене тумана. Все всё понимали, но дать отпор пока не могли.

Глава девятая

Дун Сянь признавал: под началом Ван Мана он прошел через поразительное преображение. Все полученные им знания превратились в инструменты, и постельные утехи исключением не были.

Впрочем, всё это строилось на фундаменте бездушия. Но стоило появиться искренним чувствам, как правила менялись.

Несколько дней открытого общения с Лю Синем пролетели незаметно, словно часы.

Никто из посторонних не знал, что отношения этой пары наставника и ученика совершили колоссальный скачок. Балансируя на грани между юностью и зрелостью, Лю Синь казался неиссякаемым источником энергии: по сравнению со своей безудержной страстью в постели, во время занятий он послушно возвращался к роли прилежного ученика.

Восстание в уезде Дацзэ вспыхнуло из-за жестокой тирании династии Цинь.

<http://bllate.org/book/21155/2144387>